

Сергиенко Олеся Сергеевна

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ М. А. БУЛГАКОВА "СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ" И ЕЕ ПЕРЕВОДОВ НА ЧЕШСКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ)

В статье рассматриваются узуальные и модифицированные фразеологические единицы, употребляющиеся в повести М. А. Булгакова "Собачье сердце", и проводится сопоставительный анализ различных способов их перевода. Фразеологизмы "Собачьего сердца" анализируются с точки зрения их смысловой, стилистической и эмоциональной нагрузки в тексте оригинала и функциональной адекватности их передачи в переводах на английский и чешский языки. Особое внимание уделяется индивидуально-авторской фразеологии, свойственной стилю М. А. Булгакова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-3/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 3. С. 144-148. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Законодательство и юридическая наука оперируют сложными и определенными понятиями, которые выражаются соответствующей специальной терминологией, замена которой, может привести к неточности формулировок и выражения мысли законодателя. Внедрение и распространение в языках заимствований, появление многочисленных интернациональных слов и словосочетаний связывается, в первую очередь, с необходимостью точного и однозначного определения понятия, для подлежащей передаче которого не найдены близкие внутриязыковые эквиваленты, в том числе для отказа описательного характера, что особенно характерно для юридической терминологии.

С точки зрения возникновения и функционирования, интернационализмы обогащают международные терминологические системы, т.е. поддерживают тенденцию к созданию международных терминов на латинском языке: *lex loci delicti commissi*, *lis alibi, pendens*, *pacta sunt servanda* и др. При этом, некоторые латинские термины, обладающие международным характером, имеют существенное коммуникативное значение.

Список литературы

1. Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков: Харьковский ун-т, 1972. 215 с.
2. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М.: Изд-во литературы на ин. яз., 1959. 352 с.
3. Солодухо Э. М. Теория фразеологического сближения (на материале языков славянской, германской и романской групп). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989. 296 с.
4. Хижняк С. П. Межкультурная профессиональная коммуникация юристов: теоретические основы: монография. Саратов: Изд-во Саратовской гос. юридич. академии, 2014. 244 с.
5. Хижняк С. П. Правовая картина мира как основа изучения специфики правовой культуры разных стран и иностранных языков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5. С. 212-216.

INTERNATIONALISMS IN ENGLISH LEGAL TERMINOLOGY

Semenova Ella Vladimirovna, Ph. D. in Pedagogy
Saratov State Academy of Law
esemenova2604@gmail.com

The article considers the role of borrowings in the formation of English legal terminology. A special group of international words is a result of borrowing lexical units by the interaction of languages. The author pays attention to the extra-linguistic factors of international terms formation in English legal terminology. The semantic and phonetic characteristics of international terms are shown.

Key words and phrases: legal terminology; borrowings; internationalism; translational equivalency; interaction of languages.

УДК 81'255.2

В статье рассматриваются узуальные и модифицированные фразеологические единицы, употребляющиеся в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце», и проводится сопоставительный анализ различных способов их перевода. Фразеологизмы «Собачьего сердца» анализируются с точки зрения их смысловой, стилистической и эмоциональной нагрузки в тексте оригинала и функциональной адекватности их передачи в переводах на английский и чешский языки. Особое внимание уделяется индивидуально-авторской фразеологии, свойственной стилю М. А. Булгакова.

Ключевые слова и фразы: фразеология М. А. Булгакова; перевод фразеологизмов; индивидуально-авторская фразеология; перевод «Собачьего сердца»; чешский язык; английский язык.

Сергиенко Олеся Сергеевна, к. филол. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
olesyaserg@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ М. А. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» И ЕЕ ПЕРЕВОДОВ НА ЧЕШСКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ)

Многие переводчики, обратившиеся к творчеству М. А. Булгакова, столкнулись с проблемой перевода фразеологии, как нормативной, узуальной, так и авторской. И каждый переводчик нашел свой подход к решению этой непростой задачи.

Фразеологизмы (далее – ФЕ), употребляющиеся в художественных текстах М. А. Булгакова, уже исследовались в диссертациях Н. Г. Михальчук [6], А. Э. Павловой [8] и О. С. Дергилевой [2]. Анализ переводов булгаковской фразеологии посвящены работы О. И. Фокиной [11] и Н. И. Маругиной [5]. Исследований по сопоставлению переводов «Собачьего сердца» на английский и чешский языки, насколько нам известно, ранее не проводилось.

Для сопоставительного анализа были выбраны фразеологизмы М. А. Булгакова, поскольку фразеология является наиболее ярким выразительным средством языка и требует от переводчиков творческого подхода и принятия оригинальных переводческих решений. Привлечение для анализа двух разных языков – близкородственно-славянского и германского – дает возможность выяснить, как преодолеваются типовые трудности перевода, связанные со спецификой каждого из языков, а какие элементы оригинала остаются не переданными в переводе.

В нашем исследовании мы придерживались широкого понимания фразеологии и рассматривали как фразеологические сращения, так и фразеологические единства и фразеологические сочетания.

Было проанализировано приблизительно 140 фразеологизмов (без учета повторяемости), извлеченных путем сплошной выборки из текста повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» [14].

Для нашего анализа мы взяли два перевода «Собачьего сердца» на чешский язык, выполненных Л. Душковой (L. Dušková) в 1989 году [17] и А. Моравковой (A. Morávková) в 2012 году [14], а также два не менее известных английских перевода, выполненных М. Гленны (M. Glenny) в 1968 году [15], на двадцать лет раньше, чем повесть официально была опубликована в СССР, и А. Пайман (A. Paiman) в 1990 году [16].

Теоретическую базу по вопросу перевода ФЕ составляют, прежде всего, труды по теории и практике перевода Я. И. Рецкера [9] и А. В. Федорова [10], кроме того, это исследования С. Влахова и С. Флорина [1], Н. Л. Шадрина [13] и А. В. Кунина [4], посвященные непосредственно переводу непереводимой лексики.

Фразеологизмы, встретившиеся нам в «Собачьем сердце», проверялись по «Фразеологическому словарю русского языка» А. И. Молоткова [12] и по «Большому словарю русских поговорок» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [7]. Их чешские параллели – по словарю В. М. Мокиенко и А. Вурма «Česko-ruský frazeologický slovník» [24] и четырехтомному словарю Ф. Чермака [18; 19; 20; 21]. Английские фразеологизмы проверялись по «Англо-русскому фразеологическому словарю» А. В. Кунина [3], «Collins Cobuild Dictionary of Idioms» [22] и «Longman Dictionary of English Idioms» [23].

В данном исследовании для удобства мы используем классификацию перевода фразеологизмов, предложенную С. Влаховым и С. Флориным, поскольку она лучше всего отвечает задачам нашего исследования, детально разработана и в то же время универсальна, подходит для любой пары языков.

Оптимальным вариантом перевода является эквивалент, поскольку подразумевает перевод ФЕ готовым соответствием в языке перевода. Однако даже при переводе эквивалентом есть градация близости к оригиналу, что отражается в классификации С. Влахова и С. Флорина.

1. **Полный эквивалент** – это ФЕ на языке перевода, по всем показателям равноценная переводимой единице, обладающая теми же денотативным и коннотативным значениями [1, с. 184].

Глаза его округлились, и усы встали дыбом [14, с. 22]. / А. Моравкова: *Oči se mu zaokrouhlily a kníry se naježily* [Там же, с. 21]. / Л. Душкова: *Oči se mu zaokrouhlily a kníry naježily* [17, с. 9]. / М. Гленны: *His eyes went quite round and his moustache bristled* [15, p. 8]. / А. Пайман: *His eyes grew round and his moustache bristled* [16, p. 208].

Необходимо отметить, что доля таких готовых эквивалентов в языковой паре русский – чешский гораздо выше, нежели в паре русский – английский языки.

2. **Относительный эквивалент** уступает полностью лишь в том, что отличается от исходной ФЕ по какому-либо из показателей: другие, часто синонимические, компоненты, небольшие изменения формы, изменение синтаксического построения, иная морфологическая отнесенность, сочетаемость и т.п. В остальном он является полноценным соответствием переводимой исходной единицы, «относительность» которого скрадывается контекстом [1, с. 185].

«Как же вам угодно именоваться?» Человек поправил галстук и ответил: «Полиграф Полиграфович». «Не валяйте дурака», – хмуро отозвался Филипп Филиппович, – «я с вами серьезно говорю» [14, с. 148]. / А. Моравкова: *Nedělejte si blázny* [Там же, с. 149]. / Л. Душкова: *Nedělejte si ze mě blázny* [17, с. 54]. / М. Гленны: *Stop playing the fool* [15, p. 49]. / А. Пайман: *Don't play the fool* [16, p. 270].

Во всех случаях переводные ФЕ имеют значение 'кривляться, ломаться, паясничать, строить из себя шута' [24, с. 40].

3. **Аналог**, по мнению С. Влахова и С. Флорина, – это относительный эквивалент с заменой образа. Причем, как отмечают исследователи, образы могут быть очень близкими, соприкасающимися, а могут быть весьма далекими, но логически сопоставимыми [1, с. 186].

Пса в столовой прикармливают, – раздался женский голос, – а потом его отсюда калачом не выманить [14, с. 66]. / А. Моравкова: *a pak ho odsud ani za živý svět nedostanete* [Там же, с. 67]. / Л. Душкова: *Krmit psa v jídelně, kdo to kdy viděl, – ozval se ženský hlas, – pak ho nedostaneme ven ani heverem* [17, с. 24]. / М. Гленны: *'If you feed a dog at table,' said a woman's voice, 'you won't get him out of here afterwards for love or money'* [15, p. 23]. / А. Пайман: *"If you're going to feed that dog in the dining room," a woman's voice sounded, "you'll never get him out again not for love nor money"* [16, p. 235].

Чешская ФЕ *ani za živý svět ne* (досл. 'даже за целый свет'), использованная А. Моравковой, переводится как 'ни за что на свете, ни за какие сокровища' [24, с. 508]. Л. Душкова остановила свой выбор на другой ФЕ *nedostat ani heverem* (досл. 'не достать даже ломом') со значением 'не вытащить никакими силами, не выманить калачом' [Ibidem, с. 157]. В первом случае это нейтральный адвербальный фразеологизм, во втором – глагольный, как и в оригинале, но, в отличие от оригинала, в чешском языке слово *hever*, предполагающее применение силы, привносит легкий негативный оттенок. Английские переводчики оказались единодушны в своем выборе и употребили разговорную ФЕ *not for love or money* (досл. 'ни за любовь, ни за деньги') [3, с. 318].

4. **Калька** – это дословный перевод, который предпочитают обычно в тех случаях, когда другими приемами нельзя передать ФЕ в целостности ее семантико-стилистического и экспрессивно-эмоционального значения, а по тем или иным причинам желательно «довести до зренья» читателя образную основу [1, с. 194].

Мне **белый билет** полагается, – ответил Шариков на это [14, s. 154]. / А. Пайман: "*I ought to have exemption on medical grounds.*" Sharikov replied to this one" – **a white ticket**" [16, p. 288].

Здесь переводчица воспользовалась калькой *white ticket*, но в то же время сочла необходимым дополнить ее разъяснением – досл. ‘мне нужно освобождение по медицинским показаниям’.

5. **Описательный перевод** подразумевает перевод не самой ФЕ, а её смысла. Это могут быть объяснения, сравнения, описания, толкования – все средства, передающие в максимально ясной и краткой форме содержание ФЕ, все с тем же неизменным стремлением к фразеологизации или хотя бы с намеком на коннотативные значения [1, с. 196].

«Почему, собственно, вам не нравится театр?» «Да, дурака валяние... Разговаривают, разговаривают... Контрреволюция одна» [14, s. 180]. / А. Моравкова: *Sama šaškárna. Jenom pořád žvaněj a žvaněj* [Там же, s. 181]. / Л. Душкова: *Divadlo je blbost... Kecaj a kecaj... Samá kontra je to* [17, s. 64]. / М. Гленны: *Hell, it's just rot... talk, talk. Pure counter-revolution* [15, p. 60]. / А. Пайман: *Well, it's all a lot of playing the fool... talk, talk, talk ... pure counter-revolution* [16, p. 295].

Для русской ФЕ *валять дурака* нет фразеологического соответствия в чешском языке, как правило, она переводится глаголами *blbnout, žertovat, zahrávat si* и т.п. По тому же пути пошли и чешские переводчики. В английском языке есть эквивалент *to play the fool* [3, с. 358], но им воспользовалась только А. Пайман, применив тот же вид морфолого-синтаксической трансформации, что и в оригинале.

6. Под **контекстуальной заменой** С. Влахов и С. Флорин понимают такой перевод ФЕ, который хотя и не соответствует по значению исходной ФЕ, взятой изолированно, но с достаточной точностью (и смысловой, и стилистической) передает её содержание в данном конкретном контексте [1, с. 196].

Филипп Филиппович работал, не покладая рук [14, s. 48]. / А. Моравкова: *pracoval do úpadu* [Там же, s. 49]. / Л. Душкова: *Filipp Filippovič pracoval jako lev* [17, s. 18]. ФЕ *не покладая рук* имеет значение ‘усердно, без усталости, не переставая (делать что-л.)’ [12, с. 336]. Чешские переводчики обратились к двум разным ФЕ, имеющим дополнительные коннотации по сравнению с русской идиомой: *pracovat do úpadu* – работать до полного изнеможения, до упаду [24, с. 559]; *být do práce jako lev* – иметь охоту к работе, делать ее хорошо и с удовольствием [19, s. 191]). Однако в данном конкретном контексте оба перевода представляются уместными, поскольку передают эмоциональное состояние профессора Преображенского.

7. Не секрет, что часто переводчики предпочитают **опустить** безэквивалентную единицу исходного текста, нежели пытаться перевести ее. В таких случаях им на помощь приходит такой прием, как **компенсация**:

Можно привить гипофиз Спинозы или еще какого-нибудь такого лешего и соорудить из собаки чрезвычайно высокостоящего. Но на какого дьявола, – спрашивается [14, s. 210]. / А. Моравкова: *Je možné transplantovat mi hypofýzu Spinozy nebo nějakého podobného d'ábla a vytvořit ze psa vysoce rozvinutou osobnost. Ale k čemu, zatraceně, ptám se* [Там же, s. 211]. Хотя переводчица и не передала ФЕ «на какого дьявола», она включила в контекст слово *d'ábel* и ругательство *zatraceně*, что стилистически отвечает задачам оригинала.

Как уже отмечалось, для литературного стиля М. А. Булгакова характерны индивидуально-авторские преобразования фразеологизмов. Это преобразования, приводящие к возникновению антонимического значения: «*Мое открытие, черты б его съели, с которым вы носитесь, стоит ровно один ломаный грош*» [Там же, s. 212] (ср. *ни гроша не стоит* [12, с. 457]). Фразеологизм может приобретать дополнительный семантический оттенок: «*Да ему только глазом мигнуть, он таким бы псом обзавелся, что ахнуть*» [14, s. 48] (ср. *Не успел глазом моргнуть (мигнуть) – (не успел) осознать, отреагировать и т.п., так быстро произошло, случилось что-л.* [12, с. 254]). При индивидуально-авторском преобразовании ФЕ может происходить экспликация ее внутренней формы: «*уму собачьему непостижимо*» [14, s. 8]; «*уму непостижимо человеческому*» [Там же, s. 130] (ср. *уму непостижимо* [12, с. 275]). Автор образует новые ФЕ по устойчивым общеязыковым моделям: «*не в калошах счастье*» [14, s. 70]; «*как лев на воротах*» [Там же, s. 90]; «*как кубарь под кнутом*» [Там же, s. 30]; «*как муха в сметане*» [Там же, s. 178] и др. Часто один из компонентов ФЕ подвергается замене: «*усы встали дыбом*» [14, s. 22]; «*Филипп Филиппович вошел в азарт*» [Там же, s. 76]; «*пес его знает*» [Там же, s. 140]. Нередко писатель обращается и к более распространенным приемам трансформации ФЕ, например, применяет морфолого-синтаксические преобразования: «*дурака валяние*» [Там же, s. 180]; парцелляцию: «*За вами идти? Да на край света!*» [Там же, s. 18]; инверсию «*мир перевернулся дном кверху*» [Там же, s. 100]; контаминацию: «*сквозь стиснутые зубы*» [Там же, s. 106] и другие приемы.

Большинство этих приемов направлено на создание многозначности, двусмысленности, гипотетичности в восприятии произведения.

Особый интерес представляют авторские преобразования фразеологизмов с компонентами «пес», «собака» и образами, связанными с этими понятиями: «*уму собачьему непостижимо*» [Там же, s. 8]; «*здесь пролетарием не пахнет*» [Там же, s. 26]; «*пес вытащил самый главный собачий билет*» [Там же, s. 80]; «*шерсть встала дыбом*» [Там же, s. 96]; «*холодок прошел у пса под сердцем*» [Там же]; «*пес его знает*» [Там же, s. 140]; «*ни пса не видно*» [Там же, s. 162].

Нужно отметить, что в «Собачьем сердце» модифицированных и авторских ФЕ встречается даже больше, чем узальных, и, конечно, их передача стала сложной творческой задачей для переводчиков. Рассмотрим способы перевода некоторых из этих выражений. В одних случаях переводчики шли по пути, проложенному автором, и использовали те же способы трансформации ФЕ, которые использовались в оригинале, то есть калькировали авторскую ФЕ:

Совершенно ясно: пес **вытащил самый главный собачий билет** [Там же, s. 80] (ср. *вытащить счастливый билет* [7, с. 40]). / А. Моравкова: *Bylo naprosto jasné, že pes si vytáhl ten nejšťastnější psí los* [14, s. 81]. / Л. Душкова: *Bylo nad slunce jasné, že pes si vytáhl svůj nejšťastnější los* [17, s. 29]. / М. Гленны: *The dog had obviously drawn the winning ticket in the dogs' lottery* [15, p. 27]. / А. Пайман: *It was quite clear that the dog had drawn the winning ticket in the dogs' lottery* [16, p. 239].

В следующем примере никто из всех четырех переводчиков не передал лексему «пес», самую главную в этой ФЕ, не передал ту иронию, которую она в себе скрывает.

Шариков пропал и через минуту вновь появился в окошке. – Ну пса не видно, – в ужасе пролаял он в окно [14, s. 162] (ср. *не видно ни зги* [12, с. 172]). / А. Моравкова: *Vidím starou belu, – vyštěkl s hrůzou* [14, s. 163]. / Л. Душкова: *Barykov zmizel a za chvilku se znovu objevil v okýnku. "Nic nevidím, tma jako v prdeli!" křičel zoufale* [17, s. 59]. / М. Гленны: *Sharikov vanished, to reappear over the transom a minute later. 'I can't see a thing!' he barked in terror* [15, p. 54]. / А. Пайман: *Sharikov disappeared and a moment later reappeared at the window. "I can't see my paw before my face!" he yapped* [16, p. 282].

А. Моравкова использовала более экспрессивный аналог со значением 'не видеть ни черта, ни шиша, ни хрена, ни фига' [24, s. 34]. Л. Душкова сделала описательный перевод, дополнив его еще более стилистически сниженным аналогом, однако опустила и лексему «пес», и глагол «пролаять». А. Пайман хоть и не передала лексему «пес», однако дополнила перевод очень удачным фразеологическим трансформом с лексемой «лапа».

Подводя итоги, можно сделать вывод, что А. Моравкова бережнее относилась к оригинальному тексту, нежели ее коллега Л. Душкова. Она переводила ближе к тексту, стараясь сохранять синтаксические конструкции и обороты булгаковского текста. В то время, как перевод Л. Душковой в целом более вольный, эта переводчица гораздо чаще применяет различные способы переводческих трансформаций.

Что касается английских переводов, то в тексте М. Гленны встречается много опущений и случаев нефразеологического перевода. В целом стиль его повествования намного нейтральнее, менее эмоционально окрашенный и экспрессивный по сравнению с оригиналом, практически отсутствует индивидуализация речи персонажей, и яркий тому пример – речь Шарикова, которая почти не отличается от речи других героев, мало что указывает на его необразованность, ругательства и прочая экспрессивная лексика заменяются лексикой нейтральной. Перевод А. Пайман представляется гораздо более удачным, переводчица лучше чувствует стиль автора, бережнее к нему относится, использует творческий подход при передаче безэквивалентной лексики.

Список литературы

1. Влахов Н., Флорин С. Непереваемое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 341 с.
2. Дергилева О. С. Индивидуально-авторские приемы преобразования фразеологических единиц (на материале художественных произведений: дисс. ... к. филол. н. М., 2009. 220 с.
3. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Рус. яз., 2001. 512 с.
4. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Изд-е 2-е. М.: Высшая школа, 1996. 384 с.
5. Маругина Н. И. Метафора в процессах текстопорождения (на материале повести М. А. Булгакова «Собачье сердце») и ее переводов: автореф. дисс. ... к. филол. н. Томск, 2005. 24 с.
6. Михальчук Н. Г. Фразеологические единицы как средство формирования идиостиля М. А. Булгакова: автореф. дисс. ... к. филол. н. Орел, 2002. 34 с.
7. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок: более 40 000 образных выражений / под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 784 с.
8. Павлова А. Э. Фразеологические единицы как средство создания комического в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: дисс. ... к. филол. н. Кострома, 2003. 203 с.
9. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода. Изд-е 2-е, стереотип. М.: Р. Валент, 2007. 240 с.
10. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Изд-е 4-е, перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
11. Фокина О. И. Фразеологические единицы в оригинале и переводе художественного текста на итальянский язык (на материале повести М. Булгакова «Собачье сердце») // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы): материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 6-7 апр. 2006 г.: в 2 ч. / отв. ред. И. С. Ровдо. Минск: РИВШ, 2006. Ч. 1. С. 322-324.
12. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1967. 543 с.
13. Шадрин Н. Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. 218 с.
14. Bulgakov M. Psí srdce / Собачье сердце (двуязычный текст) / z rus. orig. přel. A. Morávková. Praha: Garamond, 2012. 256 s.
15. Bulgakov M. The Heart of a Dog / transl. by M. Glenny. L.: The Harvill Press, 1989. 128 p.
16. Bulgakov M. The Heart of a Dog and Other Stories / transl. by A. Pyman. M.: Радуга, 1990. 312 p.
17. Bulgakov M. A. Psí srdce / z rus. orig. přel. L. Dušková. Praha: Odeon, 1989. 74 s.
18. Čermák F., Holub J. a kol. Slovník české frazeologie a idiomatiky: 4. Výrazy větné. Praha: LEDA, 2009. 1267 s.
19. Čermák F., Hronek J. a kol. Slovník české frazeologie a idiomatiky: 1. Přírovnání. 2. přepracované a doplněné vydání. Praha: LEDA, 2009. 512 s.
20. Čermák F., Hronek J. a kol. Slovník české frazeologie a idiomatiky: 2. (1.) Výrazy neslovesné. 2. přepracované a doplněné vydání. Praha: LEDA, 2009. 552 s.
21. Čermák F., Hronek J. a kol. Slovník české frazeologie a idiomatiky: 3. Výrazy slovesné. 2. přepracované a doplněné vydání. Praha: LEDA, 2009. 1248 s.
22. Collins Cobuild Dictionary of Idioms. L.: Harper Collins, 1995. 493 p.
23. Longman Dictionary of English Idioms. L.: Prentice Hall College Div, 1982. 412 p.
24. Mokienko V. M., Wurm A. Česko-ruský frazeologický slovník. 1. vyd. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2002. 659 s.

**SPECIFICS OF TRANSLATING PHRASEOLOGICAL UNITS
(BY THE MATERIAL OF THE NOVEL BY M. A. BULGAKOV "HEART OF A DOG"
AND ITS CZECH AND ENGLISH TRANSLATIONS)**

Sergienko Olesya Sergeevna, Ph. D. in Philology
Saint Petersburg State University
olesyaserg@mail.ru

The article examines usual and modified phraseological units used in the novel by M. A. Bulgakov "Heart of a Dog" and provides a comparative analysis of different ways to translate them. The phraseological units of the novel are analyzed from the viewpoint of their semantic, stylistic and emotional load in the original text and the functional adequacy of their transference in Czech and English translations. Special attention is paid to the author's original phraseology, which is typical for M. A. Bulgakov's style.

Key words and phrases: M. A. Bulgakov's phraseology; translating phraseological units; author's original phraseology; "Heart of a Dog" translation; the Czech language; the English language.

УДК 81(470.64)

В данной статье исследуются эмотивные фразеологизмы со словом «нэ», выражающие, как правило, положительные эмоции. С помощью концептуального подхода анализируются их структурно-грамматические и семантические особенности. Рассматриваются в эмотивном аспекте возможные сочетания концепта «нэ» с другими культурными концептами кабардино-черкесского языка.

Ключевые слова и фразы: концептуальный подход; адыгские культурные концепты; ключевые слова; эмотивные фразеологизмы; оценочность; соотношение культурных концептов.

Токмакова Мадина Хасанбиевна, к. филол. н., доцент
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
tokmak_madina_h@mail.ru

КОНЦЕПТ «ГЛАЗ» В ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

В исследованиях по лингвистике в последнее время стал очень популярен концептуальный подход. По мнению Н. Э. Агарковой, с его помощью возможно изучение концептуального устройства языка, ведущего к осмыслению мира в терминах концептов [1]. Концептуальный анализ позволяет проникнуть в тайны языкового сознания, поскольку «концепты – идеальные единицы сознания, составляющие часть общей концептуальной модели мира» [7, с. 89]. Совокупность концептов, характерных для конкретной нации, составляет национальную концептосферу, отличную от концептосферы других национальностей [6, с. 104].

Первые попытки ментального описания важнейших адыгских культурных концептов принадлежат З. Х. Бижевой. В процессе проведенных исследований ей удалось обозначить основные понятия, отражающие миропредставление, миропонимание адыгского этноса. Именно в культурных концептах, по словам З. Х. Бижевой, выражается «"картина мира" адыгов» [2, с. 3]. Эмоции, являясь частью культуры, демонстрируют присущие ей особенности, поэтому исследования эмотивной лексики кабардино-черкесского языка, как нам кажется, необходимо осуществлять в концептуальном плане.

Культурные концепты, как правило, выражаются в «ключевых словах» – это слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры [3]. Признаками ключевых слов, по мнению А. Вежицкой, являются общеупотребительность, частое использование в какой-то одной семантической сфере (в данном случае, в сфере эмоций), способность образовывать целые фразеологические семейства, входит в состав пословиц, поговорок [Там же]. Таковыми (ключевыми словами) в кабардино-черкесском языке, по нашим наблюдениям, являются слова *гу* / «сердце», *цхьэ* / «голова», *псэ* / «душа», *нэ* / «глаз» [15]. В данной статье пойдет речь о слове *нэ* / «глаз». Определение данных слов как ключевых неслучайно. «Познание окружающего мира человек начинает с самого себя, поэтому кодирование культурного пространства посредством языковых сущностей носит антропоморфный характер, в нем активно участвуют соматизмы – названия частей тела человека, а также соматические фразеологизмы, включающие тот или иной соматизм» [12, с. 159].

Как мы отмечали в предыдущих работах, значительную часть слов с эмотивным значением в кабардино-черкесском языке представляют фразеологизмы. В силу своей специфики эмотивы, выражаемые ими, более яркие и насыщенные [14, с. 285]. Слово *нэ*, обладающее основным значением «глаз», входит в состав многих фразеологизмов, выражающих разные эмоциональные состояния: гнев (*нэм пшагъуэ къыццыхьэн* / «хмуриться, сердиться») (букв. «туман застилает глаза»), и *нэм хъуаскIэ къыццыхын* / «метать громы и молнии» (букв. «искры сыпятся из глаз»), *нэкли нэкли нэбжьэуэн* / «метать громы и молнии» (букв. «и глазами и носом кидаться»), и *нэм цфы имыльагъужын* / «быть страшно разгневанным» (букв. «земли не видеть»), *нэм*